

CONTOUR BY GETTY IMAGES / FOTOBANK.COM

Дизайнер
Изабель Маран,
Нью-Йорк,
апрель 2010 года

ванием митохондрий. Нет больше гладкой кожи? Есть гладкость сумочки Hermès и надежная мягкость кашемира. Не блещут глаза? Зато блещут бриллианты. Утраченную быстроту и силу мышц заменит мощность Mercedes. Словом, паноптикум в духе Гойи. Что и говорить, богатая старость — это чрезвычайно не русский феномен.

В России изнашивание физической оболочки почти всегда равно изнашиванию социальной. Это у нас молодые секретарши копят на бриллиантовые серьги. Молодые менеджеры берут кредит на новый BMW. А все, вместе взятые, тратят деньги на дорогую обувь, одежду, сумочки, путешествия, хотя при этом живут в съемной квартире. Танцуй, пока молодой. Пенсия — это миф, отсюда еще никто не возвращался. Женщин это касается на еще более ранних подступах. Когда 43-летняя режиссер Дуна Смирнова вышла замуж за 57-летнего Анатолия Чубайса (по европейским меркам вполне себе возрастной мезальянс), то было ощущение, что женщины России готовы справлять дату их свадьбы вместо Восьмого марта: благая весть о том, что есть жизнь и после сорока лет, нуждается в ежегодном напоминании. На европейский взгляд порождениями сна разума выглядят как раз наши молодые.

И это — а вовсе не только привычка российских олигархов тратить не считая — причина повышенного интереса мировой модной и глянцевого индустрии к русскому рынку. Так же как и к арабскому: арабская культура помешана на том, что вещи должны выглядеть новыми (все прочее просто вытекает из этого постулата: например, что может выглядеть новее, чем лакированное и блестящее?). Так же как и к азиатскому: буддизм учит, что вещи с трещинами, изъянами, дырками, приносят несчастье. Иными словами, мода любит не тех, кто в ней разбирается, кто умеет сочетать сиди-ну с кедами. А тех, кто умеет выбрасывать, будь то старый свитер или поизносившаяся супруга. Выбрасывать, чтобы, конечно же, освободить место для моды нового сезона! Иначе какой смысл.

Можно, конечно, углубиться в вопрос еще на один виток и добавить, что нынешнее внимание европейской и американской моды к зрелости, даже старости

— это попытка заскочить в уходящий поезд. Мода была не всегда. Моды, например, не было в XVI веке, когда платье шили год и передавали детям по наследству. Она родилась в середине XVIII века, набрала обороты вместе с техническим прогрессом XIX столетия, открывшим анилиновые красители и швейную машинку, и превратилась в себя саму нынешнюю — с обновлениями коллекций раз, потом и два раза в год — только в XX веке. Веке модернистского искусства и модернистского мышления. Искусства, которое старалось бежать впереди паровоза и быть вечно молодым, пока не выдохлось окончательно. Теперь никто не знает, что делать, как надо, куда бежать и бежать ли вообще. Снова наступило время, а с ним вернулось понятие возраста.

Никто не говорит, что будет легко. Раз я покупала коньяк в Осло. Алкоголь в Норвегии продается в специализированных магазинах под опекой государства. Раньше они вообще напоминали аптеку. Теперь провизор сидел за кассой. Он подтянул бу-

AFP / GETTY IMAGES

Дизайнер Диана
фон Фюрстенберг,
Нью-Йорк, июнь
2013 года

тылку к себе и строго попросил меня предъявить удостоверение личности: лицам моложе двадцати одного года крепкие напитки не продают. Я могла быть счастлива весь день и даже потом еще, но уже короткими вспышками. Неумолимый страж трезвости вознаграждал меня за все, что делает жизнь почти невыносимой: за фитнес, за витамины, за рыбий жир по утрам, за бойкот сластей и хлеба, не говоря о табаке и алкоголе. Я укладывала бутылку. Очередь меж тем двигалась, приближая меня к истине. Доказательств, что она старше двадцати одного года, этот кассир строго требовал у всех дам, у кого еще имело смысл не спрашивать пенсионное удостоверение. Но и совсем ветхих старух не обходил. С одной он даже заговорил по-французски, она хохотала. Это был какой-то неистовый дамский угодник. Просто-таки сорвавшийся с цепи донжунан! Прекрасен, впрочем, был и один стюард на входе в самолет из Лондона. Он всех пассажиров приветствовал на разный лад — бросив мгновенный взгляд, безжалостно

сделав выводы, молниеносно отнеся в соответствующую категорию. Его интерес к пассажиркам, незнакомым, ничем ему не полезным ни сейчас, ни в будущем поражал страстью и бальзаковской остротой взгляда. Категорий было три: «здравствуйте, мадам», «доброе утро» (полная катастрофа) и «добро пожаловать». Все пассажиры-мужчины были просто «привет».

Словом, всегда найдется кто-то, кто бескорыстно напомнит тебе, который час.

Можно понимать про себя все, мудро водить знакомства (как говорила Лиля Брик: дома среди своих я молодцом, а если пойду к балеринам, то сразу почувствую себя старой лахудрой), мои года — мое богатство, можно одеваться у Изабель Маран и носить кеды и даже знать, что у магазина тебя, допустим, ждет свой Porsche, летом — круиз, вечером — мишленовский ресторан, а малолетки пусть себе надеются на чашечки. Можно даже и не хотеть выглядеть, как будто тебе двадцать; в двадцать лет я, например, была чучело чучелом. Можно прекрасно помнить, что вообще-то юность — время довольно нелепое, если не сказать жалкое: ничего не понимаешь, ничего не умеешь, в голове белиберда. Повторить? Спасибо, не надо. Но выглядеть-то все равно хочется моложе, чем ты есть.

Вот почему юные модели никуда не денутся ни из Vogue, ни с любых других гляцевых страниц, ни с подиумов. Вечные студентки. Девушки в цвету. Слегка похожие друг на друга, так что кажется, что это всегда одни и те же, просто в слегка видоизмененных туалетах, прическе, макияже. И в этом весь смысл.

Потому что они нынешние античные боги. Вечная юность — она и есть вечная жизнь. О том, что христианская культура в кризисе, а наступило черти что, по-видимому, новое язычество, уже и талдычить всем надоело. Ну боги так боги. Как положено. Вечно юные, юные, юные. Вечно прекрасные. Слегка нетрезвые, с дурацкими историями и запутанной сексуальной жизнью. Короче, студенты.

Мраморный Парфенон с его ярко раскрашенными статуями богов — глаза голубые, губы и щеки алые, волосы золотые, одежда цветастая — был, конечно, первым глянцевым журналом в истории.